

2176
К 64

Василий
КОНОПЛЕВ
СОЛДАТСКИЕ
МОНОЛОГИ

Александр
КУРЛЕНЯ

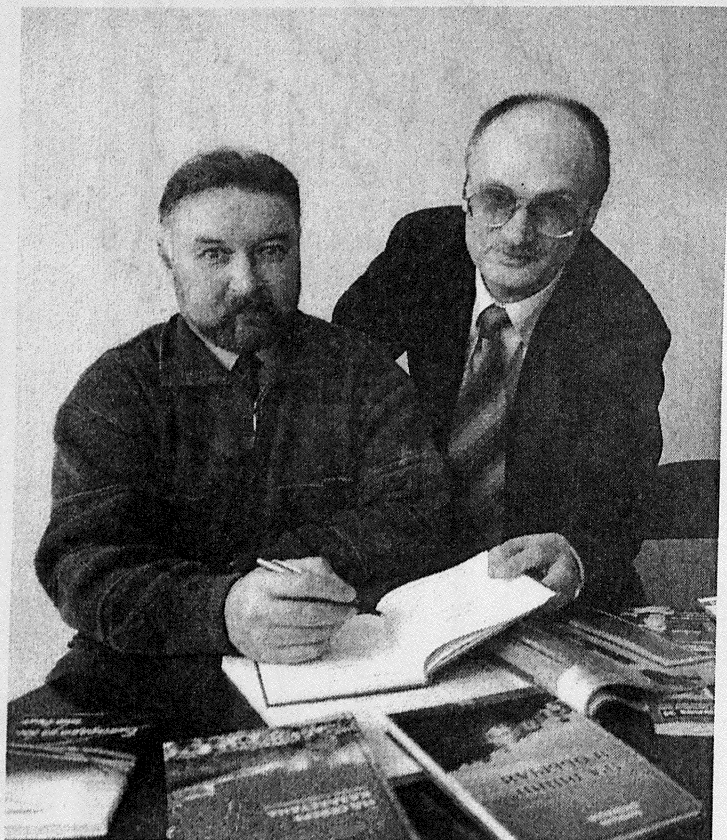
МОСКОВСКОЕ
ВРЕМЯ

Областной библиотеке
от Вашей дочери
на память о встрече и в уверенность
на будущее сотрудничество.

Владимир

06.07.04 г.

Издательство
"Северный Казахстан"
2005

Василий КОНОПЛЕВ

**СОЛДАТСКИЕ
МОНОЛОГИ**

Александр КУРЛЕНЯ

**МОСКОВСКОЕ
ВРЕМЯ**

Поэма

Василий Коноплев
“СОЛДАТСКИЕ МОНОЛОГИ”

Александр Курленя
“МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ”

Сборник стихов

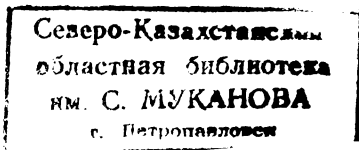
529011

Издательство “Северный Казахстан”
г. Петропавловск, ул Кошукова, 5,
тел. (8-3152)31-07-72, факс 36-59-58,
e-mail: isk@mail.online.kz

ISBN 57998-2 СК ББК 17-5 (рус),
нпр, 2005 г.

Подписано в печать 7 апреля 2005 г.
Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Тираж 1500. Заказ № 2943

Отпечатано в типографии ОАО “Полиграфия”
642015, СКО, Петропавловск, ул. Конституции, 11

ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА

Биографии авторов этого сборника во многом схожи. Родились они в Казахстане, в рабочих семьях. Закончив школу, поступили в Петропавловский педагогический институт на филологический факультет. Помимо учебы, отдавали много времени Народному студенческому театру «Пилигрим», сыграли немало ролей. Тогда-то и определились их склонности к творчеству, к публичным выступлениям. После института служба в армии, присвоение звания офицера запаса и начало педагогической деятельности. Ныне оба – директора школ. Нередко публикуются в Северо-Казахстанских и республиканских изданиях, являются членами редакционной коллегии художественно-литературного журнала «Провинция».

Василий Коноплев – член Союза журналистов СССР, много лет работал на областном телевидении, автор сборника стихов «И звезды вымокли в росе».

Александр Курленя – депутат городского маслихата двух созывов, лауреат конкурса поэтов Казахстана.

Друзья по жизни, они впервые выступают соавторами одной книги.

Писателям и поэтам русской литературы свойственно обращаться к истории своего Отечества, своего народа. В творческом ее осмыслении лучшим литераторам всегда было присуще слияние личного переживания и гражданского неравнодушия. Эта традиция поддерживается авторами книги, которую вы держите в руках. Уважение к подвигу старшего поколения, личное сопереживание и сострадание объединяют поэтические творения Василия Коноплева и Александра Курлени.

Им, рожденным в конце 50-х, время военного лихолетья вошло в плоть и кровь через рассказы родителей и дедов и хочется, чтобы и правнуки победителей знали историю своего Отечества не только по страницам учебника, но и из литературных произведений.

Лирический герой Василия Коноплева ведет поэтическую исповедь от первого лица. Его «Солдатские монологи» отличаются искренностью, невысказанной правдой о войне, отсутствием лжепатриотического пафоса.

Подобной формой - монолог - в отдельных стихотворениях пользовались такие известные поэты, как А.Твардовский «Я убит подо Ржевом», К.Симонов «Жди меня, и я вернусь». Василий Коноплев продолжает и приумножает эту традицию, ведя рассказ от имени участников тех далеких военных событий.

Александр Курленя в поэме «Московское время» продолжает повествование о грозном времени от своего имени. Это глубокое поэтическое размышление о Родине, о Времени, о Себе.

Существует афоризм: «Каждое новое поколение заново переписывает историю». В.Коноплев и А.Курленя бережно относятся к ней, перелистывают книгу бытия, возвращаясь к истокам Победы, раскрывая страшную суть войны и человеческих драм через жизнь простых участников тех далеких событий и ведя сокровенный разговор об испытаниях, выпавших на долю предков, о преемственности поколений, о преклонении перед народным подвигом. И это тем весомее, что подготовлен и выпущен сборник стихов издательством «Северный Казахстан» к шестидесятой годовщине Великой Победы.

Василий
КОНОПЛЕВ

**СОЛДАТСКИЕ
МОНОЛОГИ**

* * *

Я, пройдя Мировую, остался в живых.
Это чудо понять не могу.
Но убитых товарищей (сколько же их)
В своей памяти я берегу.

Всех вас помню, кто вдруг на поверке ночной
Старшине не откликнулся «здесь»,
Кто остался на дне переправы речной,
Кто не выжил, израненный весь.

Не забыть мне позора, когда оставлял
Прикрывающих нашим отход.
Обещал я вернуться, а полк отступал,
Отступал не на день, не на год.

И когда хоронить приходилось бойцов,
Повторял имена наизусть,
Они, в памяти выстроив сотни столбцов,
До сих пор мне военная грусть.

Навсегда молодых вижу как наяву,
В моем сердце никто не забыт.
Эту долгую-долгую жизнь я живу
За других, кто на фронте убит.

* * *

*Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год.*

Геннадий Шпаликов

Мы, товарищ Ворошилов,
Меткие стрелки.
Если партия решила,
Развернем полки.

Халхин-Гол, Хасан, Гранада,
Финская война.
Если надо, значит надо –
Армия сильна.

Нашим флагам всюду виться.
Сталью – не дубьём –
Мы во вражеской столице
Недруга добьем.

Мы орлами в небе чистом
Пролетать хотим.
Нас готовит бить фашистов
Осоавиахим.

Не прощаюсь я с любимой:
Вскорости вернусь.
Пролетают пули мимо –
Их боится трус.

В новостройках очень юный
Городок родной.
Двадцать первое июня,
Завтра выходной.

Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год.

* * *

Я превращаюсь в слух во время артобстрела,
Ловлю малейший звук, оттенки различив:
Вот гаубиц снаряд, вот мина пролетела,
От этого мой друг сегодня молчалив.

От рёва канонад, разрывов бомб немею;
Осколков слыша свист, от страха я молчу;
И голову поднять и глаз открыть не смея,
Чтоб не контузило, открывши рот, мычу.

Все сожжено в огне, пришла пора и наша.
Я заклинаю жизнь, и Бога я молю,
Чтоб минула меня сия мирская чаша,
Ведь дома мама ждет – я так ее люблю.

Вдруг тишина и крик комбата хриплый: «Живы?»
Закончен артобстрел, фашистам вопреки
Не стали мы ещё стерней смертельной нивы,
С гранатами сидим, к стволам примкнув штыки.

Нам некогда земле предать друзей останки.
В ушах уже гудит стальных моторов вой.
Мне слышен траков лязг, ползут с крестами танки,
И не уверен я, останусь ли живой.

* * *

Аты-багы, мы солдаты.
Жгут мозоли от лопаты.
В обороне мы копаем.
В отступлении шагаем
Сотни, сотни километров.
Губы треснули от ветра.
Заночуем где придется,
И опять дорога вьётся.
Так сто тридцать лет назад
Русский отступал солдат.
Как тогда, мы поневоле
Ждем сраженья в чистом поле.
Как тогда, не будет краха.
Нет ни паники, ни страха.
Но за то, что Сам растерян
Павлов*, генерал, расстрелян.
Слава богу, ёлы-палы,
Мы с тобой не генералы.

*Павлов Дмитрий Григорьевич (1897 1941), генерал армии, Герой Советского Союза. В первые дни войны командовал Западным фронтом. 4 июля 1941 года по приказу Сталина был арестован, судим и 22 июля расстрелян.

* * *

Признаюсь, атак бестолковых
Страшной не видал я пока:
В боях от дивизий стрелковых
Осталось не больше полка.

Кто ранен, лежит без сознания,
Кто в братской могиле остыл,
И на доукомплектованье
Остатки отправлены в тыл.

Счастлирое время резерва,
Когда формируется часть.
Свободно, спокойно, без нервов
Проходят недели – не час.

Пока подвезут пополнение,
Заменят командный состав,
Забудем про страх наступленья,
До одури учим устав.

Землянки неспешно копаем,
В них долго придется нам жить,
И в город смотаться мечтаем:
С девчонками б там задружить.

Принявши спиртного из кружки,
Гвардейскую честь отстоим,
Когда городские подружки
Одарят вниманьем своим.

А завтра до блеска винтовку
Заставит тереть старшина
И выдаст с наказом обновку:
«Ребята, в ней смерть не страшна».

На фронт. В наступленье. Под пули
Из дзотовых вражьих глазниц.
И многие в поле «уснули».
Опять мы – кто навзничь, кто ниц.

И снова уйдёт утром ранним
Наш полк, никого не виня,
На новое формирование,
Возможно, уйдёт без меня.

* * *

Нет, всё не так историки опишут,
Но мы на них потом не наорём,
Им в будущем легко, а ты сидишь тут
Под тусклым трехлинейным фонарём.

Коптит фитиль, дежурного позвать бы.
Рука болит, мозги в башке трещат,
Как говорится, заживёт до свадьбы.
(Какой там свадьбы, дважды ведь женат).

«Дежурный, спишь?.. Чайку налей с лимоном.
Фитиль смени, такую бога мать».
Начдива днём назвал в сердцах шпионом,
По морде врезал, мог и расстрелять.

Перечить вздумал, этакая сволочь.
Пусть под арестом посидит денёк.
Да чёрт с ним, с паникёром. Скоро полночь.
Ну вот и в лампе ровный огонёк.

Я стрелками атаку обозначу,
На карте их по флангам разведу.
Всё будет, как скажу и не иначе.
Кто возразит – накликает беду.

И пусть штабные быстро насчитают
Десятки тысяч танков и стволов,
Резервный фронт из ставки подключают
И миллион обстриженных голов.

Я – маршал, я – стратег, вы мне поверьте:
Не скрыться за намереньем благим;
Я знаю: на войне нельзя без смерти –
Одни погибнут, чтобы жить другим.

И пусть меня историки осудят,
Вначале наградив и вознеся,
Всё – впереди. Да наплевать на судей.
Мне – сорок восемь. Жизнь ещё не вся.

Степановская библиотека
С. МУКАНОВА
г. Новошахтинск

* * *

Бескорыстный военный трудяга,
Выручавший в походах не раз.
Трехколесной породы коняга,
Многokrатно менявший окрас:

То по осени бурый «савраска»,
То «серко», полинявший зимой,
То весной под зеленою краской,
А то в «хаки» раскрашенный мной.

Незаметно за фронт, и по-дерзки
Разрушали фашистский мы тыл.
Потому-то и званья «Гвардейский»
Батальон удостоен наш был.

И удар нанося безответный,
Наряду с пулеметной стрельбой,
Мы оставили мотоциклетный
След во вражеских душах с тобой.

Но мне более память тревожит
Поцелуй на губах ввечеру.
В день, когда, на пилота похожий,
Я промчал с ветерком медсестру.

Оботру от седла и до спицы
С благодарностью мотокопя,
Дам бензина досыта напиться.
Обниму – он почти мне родня.

Понимает меня он, как брата,
(Закалил нас смертельный огонь)
И, как я, весь изранен, залатан
Мой товарищ, железный мой конь.

* * *

Иду по тропке узенькой
я утром в караул.
Заиневший кúrжевнем,
лес будто прикорнул.
Не голые и серые –
пушистые стоят
Деревья приодетые
в серебряный наряд.

Слепя холодным пламенем,
искрится синева,
От воздуха морозного
кружится голова.
Глаза от света щурятся,
и радостно в груди,
Что самое хорошее
свершится впереди.

Разрушил сказку снежную
летающей мины свист,
И от разрыва в воздухе
блестящий дождь завис.
Последнее, что помню я:
сверкая, как рубин,
На тонких ветках каплями
застыла кровь рябин.

* * *

На себе я должна осторожно
Неходячих к санбату нести,
Даже если пойму: невозможно
Никакой медициной спасти.

Их бинтую и кровь вытираю,
Видеть муки бывает невмочь,
Но чем ближе к переднему краю,
Тем быстрее смогу им помочь.

Слава богу, что полк наступает,
Всех, кто в поле лежит, мы найдём,
В медсанбат - и хирург их спасает,
Опирируя ночью и днём.

Врач распишет всем тяжесть раненья:
Кого будем лечить – не умрёт,
Кому в тыл, а кому - погребенье.
Полк в прорыве, и мы с ним вперёд.

А бывает, что с «Юнкерса» летчик,
Безнаказанно в небе кичась,
Очень подло фашистский молодчик
Бомбы выбросит на медсанчасть.

И бойца, от осколков спасая
(Он же ранен), закрою собой.
Эта истина, в общем, простая –
Так поступит на фронте любой.

Ведь не зря меж солдат говорится:
«Вместо дома - родной медсанбат».
Здесь любому я просто сестрица,
И мне каждый из раненых - брат.

* * *

Плачут, плачут, плачут
Ветви у березы.
Плачут – это значит:
Кончились морозы.

Из берёсты рваной
Сок течет ручьями,
На стволиных ранах
Пенясь под лучами.

В роще белоствольной
Все в слезах деревья –
Это им так больно,
Объясню теперь я,

Потому что ночью
Здесь рвались снаряды,
Разрывая в клочья
Белые наряды.

Раненый жестоко,
Плачет лес от битвы,
Разбавляя соком
Кровь бойцов убитых.

Я прильну к берёзке,
Милой и несчастной:
«Матерью нам крёстной
Смерть была напрасно.

Что ж, поплачь немного
После сечи бранной.
Время, нам подмога,
Зарубцует раны».

* * *

Спросонья, ещё до рассвета,
Не брит, с неумытым лицом,
Минуя с паролем секреты,
Шагаю с дежурным бойцом.

Речная прохлада всё ближе,
Широкий, неспешный поток,
С высокого берега вижу,
Как брезжится алым восток.

Но зарево это – не взрывов
И блеск на волнах – не штыков,
Просторы я вижу с обрыва
И отсвет в воде облаков.

Полей обниму я пространство,
И сердце укором кольнёт,
Что третий уж год не крестьянство –
Война засекает и жнет.

Объятый рыбацкою страстью,
С обрыва спускаясь к реке,
Ведёрко пустое и снасти
Держу я покрепче в руке.

Чутьём, без каких-либо правил,
Наметил приют рыбака,
Дежурного к штабу отправил:
«Запомнил? Свободен пока».

И первый, как будто неловко,
Замах, и бросок недалёк:
Опробовать, как тут поклёвка,
Поближе – видней поплавок.

Волнение с прохладой, сливаясь,
Рождают невольную дрожь.
Нырок поплавка и, плескаясь,
Трепещет на воздухе ёрш.

Теперь, разогретая кровью,
Азартом пылает душа,
В ведро отпускаю с любовью
Дрожащей рукою ерша.

Ну что же, с почином! И снова –
В воде поплавок, и глаза
Едины с рукой рыболова,
Как с небом реки бирюза.

И время летит, словно птица,
Гражданской свободой маня.
Но прежде чем солнцу явиться,
Боец окликает меня:

«Товарищ комбат, всем сниматься
И с марша в атаку. Приказ!»
Эх, жаль, но пора собираться,
Случалось такое не раз.

Прощаюсь я с пойманной рыбой,
Пора из ведра доставать:
«Плыви же по Припяти, ибо
Сегодня ухе не бывать».

Ну вот, распустил что-то юни?
Моторы готовы в поход.
Вновь двадцать второе июня,
Но сорок четвёртый уж год.

* * *

Не от холода дрожь под шинелью.
От отчаянья плачу навзрыд.
Ты в лесу под развесистой елью
Будешь в братской могиле зарыт.

Ты прости меня, верный товарищ,
Предназначено, видно, судьбой
Не иметь нам совместных пристанищ
Ни по жизни, ни в смерти с тобой.

Ты не просто мне другом был – братом.
Жизнь делили с тобой на двоих.
А теперь ты ушел без возврата,
Успокоенный смертью, затих.

Я помочь тебе больше не в силе.
Для тебя навсегда, без конца
Будут братьями в общей могиле
Тридцать два из пехоты бойца.

Обещаю: одержим победу,
Как закончим с фашистами бой,
Я тебя попроведавать приеду,
Если раньше не встречу с тобой.

На прощание кланяюсь низко.
Это горе вовек не избыть,
И могилы под елью австрийской
Никогда мне теперь не забыть.